

А.Ф. Журавлев

К ЭТИМОЛОГИИ РУС. *ОЛУХ*

Недостатка в этимологиях этого имени нет: отантропонимическое, из *Олуферий* < *Елевферий* (греч.), – кажется, наиболее популярная; из **волухъ* ‘пастух волов’ как пейоратив; из **оглухъ* ‘глуховатый’; от **волохъ* < *вълхвъ* ‘волхв, кудесник’; заимствованные из фин. *ölliskö* ‘дурак’; заимствование из чагат. *алук* ‘растерянность, одурение’ и др. (см. Фасмер III, 136–137). Все эти этимологии, имея большие или меньшие слабости, воспринимаются как неудовлетворительные.

В недавно защищенной кандидатской диссертации Ф.Б. Успенского “Славяно-скандинавские контакты периода христианизации по данным языка” (Институт славяноведения РАН, 2000) выдвинута новая этимология слова *олух*, которое автор, в согласии с общей концепцией своей работы, склонен расценивать как пример укоренности в древнерусской культуре норманнских элементов.

По соображениям Ф.Б. Успенского, *олух* представляет собою ложносуффиксальное преобразование скандинавского имени *Ólafr* (*Олав*, *Олаф*) и отражение культа первого общескандинавского святого Олава II (Харальдсона), имя которого было известно и на Руси, по крайней мере широко употребляемо ее “варяжским контингентом” (в Новгороде Олаву была посвящена церковь), и в Константинополе (см. работы Е.А. Мельниковой). Профанирующее снижение образа “эпонима”, переключение его имени в пейоративы – явление понятное, если не сказать привычное, и не требующее особых обоснований.

Следует, однако, отметить, что Ф.Б. Успенский не отрицает правомерности этимологии Б.М. Ляпунова (из *Елевферий*) и, как будто, допускает культурно-языковые наложения. Если так, то здесь, пожалуй, нужно говорить о своеобразном резонансном усилении двух случаев возможных деантропонимических трансформаций с совпадающими результатами (ср. приводимое диссертантом в качестве параллельного примера имя *Якун*, которое, будучи восточнославянским воспроизведением варяжского *Hákon*, стало восприниматься как гипокористическая форма к *Иаков* / *Яков*). Правда, такого рода соображения должны быть подкреплены хронологическими выкладками и положительными сведениями о почитании св. Елевферия на Руси, которых, увы, очевидным образом у нас недостает (довольно показательным уже отсутствие специальной статьи, которая была бы посвящена этому святому, в трехтомнике “Христианство”).

Здесь мы хотим предложить еще одну этимологическую версию слова *олух*.

Наша лексема может быть сопоставлена с укр. *йолуп, йолоп*, блр.-смол. *ёлуп, ёлоп* ‘дурак’, “новоросс.” *elóp* то же (СРНГ 8, 346, 349) (польск. *jołop, jolap* то же – из восточнославянского), которое до В.В. Мартынова не имело надежной этимологии (см. Verneker I, 308; Фасмер I, 17; Sławski I, 583–584; ЕСУМ 2, 327).

В.В. Мартынов¹ связал эти слова с глаголом **lupiti*, отождествив с его корнем сегмент *-луп/-лоп* в приведенных украинском, белорусском и западнорусском словах; их семантика находит исчерпывающее объяснение в привлечении слов и выражений *лупить глаза, лупиць вочы* ‘тарашить глаза’, *лупоглазый, лупошарый, лупавоки, глазолуп* и т.д. В начальной же их части, *jo-* (*ě-*), обнаруживающейся также в блр. *ёлупиць* ‘вытрэшчваць вочы’, *ёлупівы* ‘вытрашчаны (аб вачах)’, ‘дурनावаты’, по толкованию В.В. Мартынова, **j-* является протезой, “со вставкой *o-* призвука между протезой и последующим сонантом”. Другой, параллельной протезой выступает, по Мартынову, и **ц-*, также потребовавшее эпентетического *-o-*, ср. блр. *валапоки*, рус. смол. *волопокий* ‘пучеглазый’ (из **волопо-окий*). Необходимость консонантных протез перед сонантом В.В. Мартыновым не объяснена, и этот момент в его трактовке не выглядит убедительным. Может быть, в вокалическом элементе начального сегмента слов типа *ёлуп* предпочтительнее видеть след префикса **o(h)-*, деэтимологизация которого и повлекла консонантные протезы. Этой версии В.В. Мартынов придерживался в почти одновременной (чуть более ранней) публикации (ЭСБМ 3, 187).

Однако следует пойти дальше. Ничто, кажется, не мешает связать согласный *-x* в слове *олух* (которого специально в этимологической связи с *ёлуп* В.В. Мартынов не касается, он упоминает его по стороннему поводу) с *-sk-* в *луска(ть)* ‘шелушить, лупить, обдирать’; ср. *плескать(ся)* – диал. *плёхатъ(ся)* (СРНГ 27, 134), заонеж. *крёскать* ‘бить, ударять’ (СРНГ 15, 222) – смол. *крёхнутъ* ‘сильно и неожиданно упасть с шумом; грохнуться’ (СРНГ 15, 239), новгор. *будыскаться* ‘бодаться’ – волог., яросл. *будыхать(ся)* ‘бодать(ся)’ (СРНГ 3, 248), чеш. *prskati* ‘брызгать, прыскать’ – *prchati* ‘брызгать’ (этимологическое единство которых подчеркнуто тождественностью значений, в отличие, например, от неочевидной близости рус. *порскать* – *порхатъ*) и под. Звукосочетание *-sk-* в *луск-* должно рассматриваться как расширитель индоевропейского корня **leu-* ‘очищать, сдирать кожуру, скорлупу; лупить, облупливать’ – ровно так же, как детерминативом к данному корню выступает и согласный *-p-* (**leu-p-* > слав. **lupiti*).

Неоспоримым доказательством такому положению вещей служат параллельные восточнославянские субстантивные образования *ше-луха* (*шелушить*): *ше-луна*: редкий арготический, по квалификации М. Фасмера (Фасмер IV, 425), префикс *ше-* не даст обмануться. Кстати, сюда же, возможно, относится и слово *шалопай*, *шелопай*: *ша-/ше-* + *луп-* (с делабиализацией корневого гласного, вызванной деэтимологизацией слова) + суффикс *-ай*, как в *колуп-ай* копун, мешкотный, вялый человек' (Даль² II, 143; СРНГ 14, 200).

Не исключено, что параллелизм *n* : *x*, кроме *ёлуп* : *олух*, а также, с префиксом *ко-*, пар вроде перм. *колупа* 'содранная с дерева и высушенная кора' : урал. *колуха* 'старая, ветхая одежда' (СРНГ 14, 202; последнее – вряд ли от *колоть* с суф. *-ух-*), можно усмотреть и в словах перм., урал. *лопа* (в выражении *шиша да лопа* – о глупых людях с нравственными пороками) : псков. (и др.) *лох* 'ротозей, простофиля, дуралей', псков., твер. *лоха* 'глупая женщина, дура, дурища' (СРНГ 17, 130, 160), в корнях *шелеп-* (*шелепнуть* 'ударить кнутом') : *шолох-/шелох-*, семантически ср. *лупить* 'бить, у д а р я т ь' < 'обдирать'.

Таким образом, слово *олух* получает, как мне кажется, достаточно надежную собственно славянскую этимологию.

С ним без заметных формальных и семантических противоречий может быть объединено и болг. *залух* 'тупица', что и осуществлено, пусть несколько отличным образом (с иной идентификацией корня), в этимологии Роже Бернара². Арханг. *ополух* 'дурак' (СРНГ 23, 278) может рассматриваться как принадлежащее тому же ряду, с многократной префиксацией (*о(б)-* + *по-...*). К этому же списку, вероятно, относятся контаминированное кашинск. твер. *елуфим* 'дурак, болван, остолоп' (СРНГ 8, 349), а также беспрефиксные суффиксальные диалектные формы *лухман*, *лухманка*, *лухмань*, *лухметко*, *лухмяга* в значениях 'нерасторопный и простоватый человек', 'неловкий, нескладный, неуклюжий человек', 'необразованный человек, невежда' и под. (СРНГ 17, 208).

Примечания

¹ Мартынов В.В. Славянские протезы и этимологическая эвристика // Этимология. 1984. М., 1986, 129 и след.

² Bernard R. Russe *blux* 'imbécile, lourdaud' // RES XLV. Paris, 1966. 68.